

Ирина Мочалова

Философия Сократа:
формирование и трансформация советского канона*

IRINA MOCHALOVA
THE PHILOSOPHY OF SOCRATES:
FORMATION AND TRANSFORMATION OF THE SOVIET CANON

ABSTRACT. The article analyzes how the image of Socrates was transformed in the context of Soviet ideology. The figure of Socrates is considered here as a kind of marker for the change of ideological paradigms. At the same time, it is demonstrated how the canon of the history of philosophy was transformed under the influence of ideological changes. The author distinguishes three periods of Soviet reception of Socrates' image and teaching: 1) the 20s; 2) 30–50s, and 3) 60–80s years of the XXth century. The first period is represented by the works of S.A. Zhebelev (1923), K.I. Sotonin (1925), and V.K. Serezhnikov (1929). The lack of prescribed ideological framework allows each of these authors to realize their own interpretation of the image of Soviet Socrates. In the second period, the image of Socrates is transformed into the figure of a class and ideological enemy in the works of V.K. Serezhnikov, M.A. Dynnik and others. It is claimed that Socrates' teaching serves to protect bourgeois values and to morally justify the exploitation and oppression of the people. Since the mid-60s we can talk about the rehabilitation of Socrates' image thanks to the change in the research paradigm (V.F. Asmus, M.A. Dynnik). The new canon of Socrates as a paragon of moral personality arises in the context of the degradation of Soviet values in the late Soviet ("stagnant") period. Numerous editions of Socrates' biographies written by V.S. Nersesyants and F.Kh. Kessidi made the figure of Socrates most famous among ancient philosophers and determined his place in the mass consciousness as the wisest thinker.

KEYWORDS: Socrates, Soviet historico-philosophical canon, Soviet ideology.

© И.Н. Мочалова (Санкт-Петербург). mochalova@yandex.ru. Санкт-Петербургский государственный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 12.1 (2020)

DOI: 10.25985/PI.12.1.06

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

История философии, как и любая другая история, пишется победителями.

Р. Рорти¹

В истории европейской культуры Сократу принадлежит особое место: им восхищались и восхищаются как «героем, гением и святым», его презирали и презирают как пустого болтуна, ненавидели и ненавидят как безнравственного богохульничающего язычника. Отечественная культура не является исключением. Со второй половины XVIII века многоликий Сократ уже «участвует» в разнообразных философских движениях, в том числе появляясь в «русских одеждах»² в качестве выразителя самобытной философии, заявляющей о себе как о подлинной наследнице греческого любомудрия.

В российском интеллектуальном пространстве значимой фигурой Сократ становится в конце 80-х годов XIX века. Это время духовных исканий и напряженной борьбы за интеллектуальное лидерство: еще нет победителей и нет общепризнанного философского канона³. Главным популяризатором Сократа-философа выступает богословско-философский журнал «Вера и разум», издающийся с 1884 года Харьковской епархией⁴. На страницах журнала публикуется шесть статей, специально посвященных древ-

---

¹ Рорти 2017: 99.

² В отечественной традиции многие мыслители получили имя «русского Сократа», но первым и наиболее известным стал Григорий Саввич Сковорода (1722–1794); русским Сократом называли и Н.Ф. Федорова, и К.М. Мамардашвили; А.А. Козлов создал образ «Петербургского Сократа».

³ По мнению Р. Рорти, канон складывается из переплетения «трансцендированных культурных потребностей и запросов, с одной стороны, и устаревшей интеллектуальной истории, с другой» (Рорти 2017: 100–101). В случае с Сократом до середины XIX в. трудно говорить о сложившейся отечественной традиции осмысления его философии; скорее, в этот период Сократ предстает лишь в качестве культурного героя-мудреца.

⁴ Журнал «Вера и разум» можно считать первым специальным философским журналом («Вопросы философии и психологии» начали выходить с 1889 года). Инициатором издания стал преосвященный Амвросий (А.И. Ключарев), назначенный в 1882 году епископом Харьковским и Ахтырским. Выпускник

негреческому мыслителю. Не просто исследователем взглядов Сократа, но фактически его сторонником выступает на страницах журнала выпускник, а затем и преподаватель Московской духовной академии Алексей Иванович Введенский. В «Вере и разуме» он публикует объемное исследование «Демонион Сократа» (Введенский 1891) и очерк «Сократ (общая характеристика)» (Введенский 1892). В этих публикациях он представляет Сократа как человека, своими усилиями сделавшего себя мудрецом, разумеющим жизнь, «ее последние основы и верховные идеалы». По мысли Введенского, авторитет Сократа — это авторитет божественного посланника, мистическая связь которого с Богом позволяет вести «самоотверженно-деятельную жизнь», пробуждая соотечественников от умственной и нравственной спячки, способствуя «истинному просвещению и совершенствованию человечества» и подготавливая языческий мир к приятию христианства. Алексей Введенский был уверен, что России необходим именно такой философ: не европейский философ-ученый, пропагандирующий «философию разума», а русский Сократ, подлинный «мыслитель-философ», который сможет преодолеть разрыв между теоретической истиной и фактами жизни, между верой и знанием; утверждая правильное жизнепонимание, «русский Сократ» сможет построить философию будущего и обустроить Россию.

Совсем иначе представляют Сократа русские неокантинцы, в частности Александр Иванович Введенский, по инициативе которого в 1893 году был осуществлен перевод на русский язык «Истории древней философии» В. Виндельбанда. Для Виндельбанда, как и для Александра Введенского, Сократ — это прежде всего мыслитель, открывший разум и научное знание. Как пишет в докладе «О Сократе» Виндельбанд, «значение Сократа в том, что

Московской духовной академии, ученик Ф.А. Голубинского, он был убежден, что журнал, девизом которого стали слова ап. Павла «Верую разумеваем», сможет помочь выработке основ русского религиозного мирозерцания, философски образовать общество, научить философии. Подробней см. Ермичев 2008.

он установил идею знания», «он первым провозглашает с полным сознанием, что должно существовать нечто значимое для всех людей и что знание существует только там, где это признается»⁵.

Первой попыткой предложить некий универсальный образ Сократа и вписать его в складывающийся к началу XX века академический историко-философский канон можно считать статью Э.Л. Радлова в словаре Брокгауза и Эфрона (Радлов 1900). Но бурные события первого десятилетия нового века актуализируют старые мировоззренческие споры, особенно обострившиеся в 1910 году в связи с выходом первого номера журнала «Логос». И Сократ вновь становится незримым участником идеологической борьбы, борьбы за «русский Логос», развернувшейся вокруг вопроса о природе национальной философии. Однако наибольшую популярность в России на рубеже веков приобретает другой Сократ — мудрец-нравовчитель и воспитатель юношества. Такой Сократ близок Л.Н. Толстому, таким он предстает на страницах исторического очерка «Сократ и его время», принадлежащего перу педагога и общественного деятеля В.Д. Сиповского. Простым языком пересказанные беседы Сократа, выбранные из текстов Платона и Ксенофонта, пользуются неизменной популярностью. Впервые опубликованные в журнале «Мир Божий» в 1892–1894 гг., они выдерживают за короткое время пять изданий, последнее из которых выходит в 1914 году (Сиповский 1914). Именно с именем Сократа, а не Платона непрофессиональный читатель связывает образ философа, Сократ и в русской культуре начала XX века занимает место философа *par excellence*.

Советский Сократ: 20-е годы

Октябрьская революция 1917 года принципиально изменяет мировоззренческие ориентиры, однако Сократ сохраняет свое уникальное место выразителя духа времени, становясь одним

---

⁵ Виндельбанд 2017: 67.

из главных персонажей формирующейся советской философской сцены. В формах описания личности Сократа и в интерпретациях его учения как в фокусе оказываются представлены способы саморефлексии советской философии.

Первый советский труд, посвященный Сократу, его жизни и учению, выходит в 1923 году⁶. Его автор — Сергей Александрович Жебелёв, глубокий знаток древнегреческого языка и античной истории. Обращение Жебелёва к образу Сократа не было случайным. Первые десятилетия XX века вместе с Э.Л. Радловым он работает над переводами диалогов Платона для задуманного 15-томного издания полного собрания творений философа. В 1923 году выходит в свет первый том, представляющий первую тетралогию (по Фрасиллу) и включающий диалоги «Евтифрон», «Апология», «Критон», «Федон» и комментарии к ним переводчика. Созданный в этих диалогах гением Платона драматический образ Сократа не мог не привлечь внимания исследователя, стремящегося не только понять великого и загадочного древнегреческого мыслителя, но и показать его значение для рождающейся советской культуры. Можно предположить, что с этим был связан выбор Жебелёвым формы работы о Сократе: это популярный очерк, не имеющий необходимых атрибутов учености, т.е. ссылок на исследовательскую литературу, научную полемику, греческие тексты и пр., что существенно расширяло круг читателей. Как пишет Жебелёв в своем «автонекрологе»,

ученая работа составляется не для ее автора, а для ее читателя; она должна быть изложена удобочитаемо, по возможности с опущением всего, прямо не идущего к делу: нужно уметь беречь время читателя⁷.

Образ Сократа, нарисованный Жебелёвым, — это образ гениального творца, совмещающего «в себе ряд противоположностей», но приводящего их «к высшему единству». Это и объясняет, по мнению Жебелёва, столь разнообразные и противоречивые

---

⁶ Жебелёв 1923.

⁷ Жебелёв 1993: 181.

его оценки: он «в одно и то же время и революционер, и реакционер», «глубоко религиозный человек, крепко держится за старую религию и, однако, ей же наносит смертельный удар. Он признает лишь ту мораль, которая считается с пользой отдельного человека, но эта польза, вместе с тем, есть общее благо». Жебелёв уверен, и сам не пытается это сделать, что невозможно подвести личность Сократа под тот или иной трафарет, под ту или иную «шаблонную кличку», все такие попытки окажутся безуспешными и, в конце концов, бессельными.

Вдумчивый анализ всей сохранившейся античной традиции приводит Жебелёва к выделению четырех принципов, определение и утверждение которых он связывает с именем Сократа: 1) добродетель есть истинное знание, приводящее в результате к правильности действий; 2) установлению положительных понятий должно предшествовать преодоление ложных представлений и признание собственного незнания; 3) добродетель и счастье тождественны, 4) нравственное усовершенствование должно исходить от индивида, а не являться в результате стремлений государства или общества. С точки зрения Жебелёва, реализация последнего принципа составляет главную черту исключительной личности Сократа, «сократовский дух» — он индивидуалист, т.е. человек, во всех жизненных ситуациях сохраняющий свою самодостаточность и знающий себя, ибо умеет давать отчет о себе, человек, не подчиняющийся чужой воле, идущей вразрез с его собственной. Это качество было значимым для самого Сергея Александровича, который старался жить, как Сократ, отдавая себе отчет. В составленном по случаю собственного 65-летия в 1932 году «автонекрологе», этом итоговом отчете, Жебелёв пишет:

Мне всегда хотелось дать *отчет*, прежде всего самому себе, о прожитой мною жизни. И дать ту оценку ей, и положительную, и отрицательную, которую я составил о ней сам. <...> человек... не только вправе, но и обязан «отчитаться» в своем прошлом, отчитаться прежде всего перед самим собою, а затем и перед обще-

ственной средою, в которой протекала и протекает его деятельность⁸.

Причину процесса над Сократом Жебелёв видит в характере «нравственно ослабленной и развращенной ожесточенной гражданской войной» афинской демократии конца V века. Он полагает, что афинская демократия времен Перикла не допустила бы такого исхода, ибо «поддерживая взаимное доверие, покоящееся на свободе, она давала возможность каждому человеку, как говорил Перикл у Фукидида, „добиться для себя самодовлеющего состояния“»⁹. В роковом суде над Сократом психология массы одержала несомненную победу над человеческой индивидуальностью. Жебелёв пишет:

Сократ с его ярко и определенно выраженным индивидуализмом не подходил к демократическому строю. В демократиях, особенно тех, которые стремятся довести провозглашаемый ими принцип «свободы, равенства и братства» до крайних пределов, уничтожающих в корне всякую свободу, всякое равенство и всякое братство, личное начало заменяется началом коллективным, индивидуальность приносится в жертву якобы общему благу всего народа¹⁰.

Эти слова, написанные в 1923 году, звучат как пророчество. Пример Сократа показывает, что победа в таком противостоянии может оплачиваться не только изгнанием, как в случае, например, с Н.А. Бердяевым, С.Л. Франком или Л.П. Карсавиным в 1922 году, но и смертью — как это будет позднее с П.А. Флоренским и многими другими¹¹.

Завершает Жебелёв свой очерк сравнением Сократа и Христа. В отличие от многих дореволюционных авторов, видящих в Со-

---

⁸ Жебелёв 1993: 175–178.

⁹ Жебелёв 1923:163–165.

¹⁰ Жебелёв 1923: 166.

¹¹ С.А. Жебелёв сам вскоре станет участником такого столкновения: в 1927 г. он будет изгнан из Ленинградского университета, в 1928 будет сфабриковано «дело» Жебелёва. См. Тункина 2000.

крате Христа до христианства, Жебелёв считает возможным говорить о «Сократовском евангелии» как мощной культурной силе, противостоящей христианству.

И кто знает, быть может, в недалекое время опять умы человеческие будет занимать старый, много и на разные лады обсуждавшийся вопрос: Сократ или Христос? Как бы этот вопрос ни был решен, можно утверждать одно: Сократовское евангелие и для теперешнего и для будущих поколений будет всегда служить источником жизни, нравственной силы и свободы¹².

Спустя два года, в 1925 году, в Казани выходит еще одна книга о Сократе «Сократ. Введение в косметику» (Сотонин 1925). Ее автор — блестящий выпускник историко-филологического факультета Казанского университета, Константин Иванович Сотонин (1893–1944)¹³. В своем описании Сократа Сотонин отказывается и от сложившейся западноевропейской историко-философской традиции, и от отечественных стереотипов истолкования образа и учения Сократа. Сотонин не только не критикует вслед за Платоном софистов, как это было принято у отечественных авторов; напротив, он реабилитирует софистов, раскрывая значение их антропоцентризма и утилитаризма, и признает Сократа «типичным софистом, но софистом не рядовым, а одним из главарей софистики, даже, может быть, гениальнейшим ее представителем наряду с Протагором»¹⁴. Для Сотонина усмотрение в Сократе софиста — лишь фундамент, на котором он возводит фигуру Сократа как величайшего в мире философа. Главное не то, что Сократ — софист, а то, в чем он превосходит софистов. Это скептицизм и цинизм Сократа. Сократ-скептик — это «проповедник исканий», исканий пользы и счастья «сегодняшнего дня»¹⁵, исканий

---

¹² Жебелёв 1923: 190.

¹³ В студенческие годы древнегреческая философия — предмет интенсивных занятий Сотонина. Он принимает активное участие в подготовке А. Маковельским издания «Досократиков»; его курсовые работы удостоиваются золотой медали университета. О Сотонине см. Демин 2020.

¹⁴ Сотонин 2020: 133.

¹⁵ Сотонин 2020: 144.

блага не всеобщего, но индивидуального, блага здесь и сейчас. Сократ Сотонина — абсолютный индивидуалист, уверенный в благом существовании только отдельного, частного человека, который таковым может сделаться только сам, в результате трудной самостоятельной работы. Сам Сократ такой работой занимается всю жизнь, и она успешна потому, что занимается он ею в шутку, с веселым смехом, несерьезно, как и должен это делать циник. Для Сотонина главное в Сократе — его цинизм, который он понимает как признак зрелости культуры, позволяющей человеку не быть слишком серьезными, т.е. стать самостоятельным — подчинить своему уму инстинкты и не признавать ничто безусловно ценным. Такой циник, по мысли Сотонина, и есть культурный человек, понимающий, что «жизнь и всё в ней — только стеклянные бусы; серьезных ценностей, бриллиантов не существует»¹⁶. Циник не может быть мучеником, и потому главная ошибка пишущих о Сократе, от Платона и Ксенофонта до современных авторов, в том числе и Жебелёва, — видеть в смерти Сократа трагедию и представлять его в ореоле мученичества. Сотонин уверен, что Сократ не хотел выиграть процесс. Эффектная смерть — вот чего хотел Сократ-циник, обеспечивая себе посмертную славу за отлично сыгранную трагическую роль в собственном спектакле.

Однако, как полагал Сотонин, роковая ошибка все же была допущена гениальным Сократом: он хотел свою «индивидуальную философию» сделать «философией масс», но массовый человек не был готов к этому, культуре будут необходимы века, чтобы повзрослеть и стать культурой несерьезных смеющихся людей. Поэтому реализация замысла Сократа — дело будущего, — не сомневается Сотонин, уверенный в том, что именно циник-Сократ — «провозвестник мировоззрения XXI века».

Между воззрениями авторов двух первых советских Сократов много различий, как их много и между эпатажным, или, как его называют сегодня, маргинальным¹⁷, Сократом Сотонина

---

¹⁶ Сотонин 2020: 171.

¹⁷ Черняховская 2011.

и вполне академичным Сократом Жебелёва, но есть и общее — оба автора не скрывают своего восхищения Сократом и видят в образе древнегреческого мыслителя идеал будущего человека — личности самостоятельной и самодостаточной, свободной в своих мыслях и оценках.

Однако уже во второй половине 20-х годов восхищение Сократом сменяется его игнорированием, а затем и все более усиливающейся враждебностью по отношению к независимому древнегреческому мудрецу. Ни Сократу-индивидуалисту Жебелёва, ни Сократу-скептику и цинику Сотонина не найдется места в формирующемся в конце 20-х годов каноне советской истории античной философии. Один из его создателей — Виктор Константинович Серёжников (1873–1944), автор подготовленных на основе ряда прочитанных им лекционных курсов по истории античной философии «Очерков по истории философии» (Серёжников 1929). Большей частью посвященные античной философии, «Очерки» становятся первым и некоторое время единственным советским учебником по истории античной философии. В своих лекциях, а затем и в «Очерках» Серёжников, хорошо знакомый с европейской, в частности немецкой историко-философской традицией¹⁸, уже ясно обозначает контуры нового образа Сократа. В новых условиях Сократ не только не святой, он перестает быть и героем, и гением. Суд над Сократом Серёжников понимает как процесс политический, подготовленный «афинской торговой буржуазией»; смертный приговор, вынесенный Сократу, пока еще не оправдывается, но и не осуждается как несправедливый. Серёжников считает своим долгом оправдать лишь афинский народ, подчеркнув, что к приговору народ не имел отношения, ибо был лишен возможности участвовать в политической жизни. И ответственность за это, по мысли Серёжникова, лежит на Сократе как «враге демократии и всего демократиче-

---

¹⁸ Параграфы учебника заканчиваются вопросами для повторения и литературой. Среди рекомендованных исследований преобладают немецкие работы начала XX века, к которым, вероятнее всего, обращался и сам Серёжников.

ского строя»¹⁹. Получается, что в определенной мере сам Сократ выковал против себя оружие, выступая против демократии. Трудно точно сказать, кто первым оценил Сократа как врага (пока еще лишь врага демократии), но именно такая оценка Сократа на несколько десятилетий станет определяющей.

Сократ как враг: 30–50-е годы

К середине 30-х годов из языка описаний жизни и творчества древних философов исчезают все полутона: интерпретационной стратегией, позволявшей правильно прочесть любой античный текст и понять взгляды любого античного мыслителя, становится стратегия «двух линий» — «линии Демокрита», линии прогрессивной, материалистической, представлявшей интересы рабовладельческой демократии, и «линии Платона» — реакционной, идеалистической и аристократической. Использование лишь двух красок, определяемых решением основного вопроса философии, позволяет достаточно легко осуществить классификацию историко-философского материала и однозначно оценить предложенные философские решения. В этой черно-белой картине Сократу отводится роль мощного врага, врага не только классового, но и идеологического. В очерке В.К. Серёжникова «Сократ» (Серёжников 1937) философ вновь оказывается на скамье подсудимых и вновь обвиняется по двум пунктам. Во-первых, Сократ — «принципиальный враг изучения природы». Он выступает против науки, полагая не нужным изучать астрономию, геометрию и другие науки, ибо человеку не дано знать природу, являющуюся творением богов. Следовательно, по мнению Серёжникова, Сократ низводит человека «до положения свиньи, которой не дано смотреть на небо». А это — «подлинная проповедь мракобесия»²⁰. Второй пункт обвинения касается политической позиции Сократа. Серёжников фактически воспроизводит оценку, данную в 1929 году, но придает ей более резкую,

---

¹⁹ Серёжников 1929: 121.

²⁰ Серёжников 1937: 18.

агрессивную форму: Сократ — враг демократии (а значит, и враг народа) и сторонник аристократии, причем он не просто противник «старого политического строя», но активный пропагандист, ведущий пропаганду среди народных масс и подготавливающий восстановление политического господства аристократии. Последнее в интерпретации Серёжникова означало сохранение рабства, отстранение народа от управления государством, признание во главе государства олигархов²¹. Осуждение Сократа не спасло самого Виктора Константиновича, вскоре объявленного врагом²². Очерк «Сократ» стал его последней публикацией. Текст был изъят из уже собранного сборника «Трудов МИИФЛИ» и напечатан в качестве отдельного оттиска вместе с другой работой Серёжникова «Основные проблемы философии Платона».

Надо сказать, что попытки отказаться от упрощенной бинарной методологии и использовать более сложный язык описания античных учений предпринимаются, например, Г.Ф. Александровым и в его «Истории западноевропейской философии», выдержавшей два издания (1939, 1946), и в первой книге первого тома «Истории философии», почти 400 страниц которого посвящаются античной философии²³. О Сократе говорится почти на 10 страницах, что немало, учитывая его статус «врага». Содержательно текст повторяет основные положения, сформулированные Серёжниковым. На фоне негативных оценок удивляет начало главы: «Выдающимся афинским философом второй половины V в. до н.э. был Сократ». И уже это могло дать основание для критики. В ходе развернутой в 1947 году дискуссии²⁴ Александров обвиняется в аполитичности, безыдейности и стремлении к академизму, и античная философия продолжает изображаться с использованием лишь черно-белых красок.

Реставрационные тенденции второй половины 50-х гг. приве-

---

²¹ Серёжников 1937: 23.

²² О судьбе Серёжникова см. Корсаков 2015.

²³ Александров 1941.

²⁴ О дискуссии 1947 года см. Есаков 1993.

дут к возвращению в историко-философскую практику риторики начала 30-х. Еще десятилетие Сократ будет носить одежды врага, а популярные издания продолжают тиражировать этот официально одобренный образ. М.А. Дынник, автор полуторастраничного текста в «Истории философии» 1957 года, посчитает возможным оправдать даже вынесенный Сократу смертный приговор как наказание «за деятельность, направленную против афинской рабовладельческой демократии»²⁵. Общим местом станет противопоставление реакционера-идеалиста Сократа прогрессивному материалисту Демокриту. Главная задача таких идеологизированных текстов — найти как можно больше красок для портрета главного антигероя, на роль которого Сократ подходил очень хорошо; в отличие от Платона, у него не было текстов, способных служить ему оправданием. Популярность Сократа на протяжении веков и почетное место философа в истории западноевропейской мысли, которое трудно было игнорировать, Дынник связывает с разработанной Сократом «аристократической теорией морали». Как утверждает Дынник, именно ее идеалистический характер привлекал «все последующие эпохи и привлекает и теперь идеологов реакционных кругов общества, пытающихся придать моральную санкцию строю эксплуатации и угнетения»²⁶. Таким образом, и в конце 50-х – начале 60-х годов Сократ по-прежнему оставался в стане врагов советского народа, в одном ряду с Б. Пастернаком, И. Бродским и др.

Реабилитация Сократа: 60–80-е годы

Реабилитация Сократа начинается с середины 60-х годов. Одним из первых свидетельств этого можно считать небольшой параграф, посвященный Сократу в «Истории античной философии» В.Ф. Асмуса²⁷. Изложение Асмуса лишено каких-либо идеологических оценок, Сократ перестает быть врагом, реакционе-

---

²⁵ Дынник 1957: 104.

²⁶ Дынник 1957: 105.

²⁷ Асмус 1965: 83–85.

ром и даже философом-идеалистом. В целом Асмус возвращается к неокантианской версии интерпретации фигуры Сократа, акцентируя внимание на его концепции знания и рационалистической тенденции в этике.

Однако ключевым событием, определившим советскую реабилитацию Сократа, становится выход в 1968 году первого тома сочинений Платона, безусловно открывшего новую страницу отечественного платоноведения. На ней рядом с именем великого древнегреческого мыслителя стояло имя его главного отечественного читателя и толкователя — Алексея Федоровича Лосева. Вопреки античной традиции, «советский Платон» начинается «Апологией Сократа»: Платон в прямом и переносном смысле становится благородным защитником своего учителя. В 1969 году выходит очередной том «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосева (Лосев 1969). Яркими красками, обильно цитируя Платона и Ксенофонта, Лосев пишет оригинальный портрет своего Сократа, полагая, что «Сократ — это, может быть, самая волнующая, самая беспокойная проблема из всей истории античной философии». Лишенный идеологических одеяний Сократ Лосева предстает перед читателем как «жуткий человек», человек, в котором «холод разума и декадентская возбужденность ощущений сливались... в одно великое, поражающее, захватывающее, даже величественное и трагическое, но и в смешное, комическое, легкомысленное, порхающее и софистическое»²⁸. Такой радикально переписанный образ Сократа совсем не вписывается в формирующуюся позднесоветскую традицию 70–80-х годов и пополняет галерею «маргинальных» Сократов.

Сохранить верность марксистско-ленинской традиции и преодолеть очевидные недостатки старого подхода позволяет обращение к диалектике как универсальному методу. Авторы «Истории античной диалектики» (1972), среди которых В.В. Соколов, Ф.Х. Кессиди, В.Ф. Асмус и др., не только пишут во многом новую историю античной философии, но и создают родословную ново-

---

²⁸ Лосев 1969: 82.

му подходу, укореняя его не только в гегелевско-марксистской традиции, но и обнаруживая его в собственных работах 20-х годов. Признание различных форм диалектики позволяет значительно расширить и круг рассматриваемых персоналий и тем, и спектр оценок. Поиски диалектики открывают новые возможности освоения наследия идеалиста Платона как А.Ф. Лосеву, видящему в его диалогах живую «диалектику мифологии», так и В.Ф. Асмусу, раскрывавшему идеалистическую диалектику гениального греческого мыслителя как «предшественницу идеалистической диалектики Гегеля». Такое понимание философии Платона определяет и место его учителя, Сократа, как внесшего ценный вклад в разработку «диалектического мышления». Отцом Сократа-диалектика можно назвать Валентина Фердинандовича Асмуса (1894–1975). Родившийся на страницах «Истории античной диалектики», Сократ-диалектик занимает достойное место и в главном учебнике СССР по истории античной философии: вышедшее в 1976 г. второе дополненное издание «Античной философии» В.Ф. Асмуса, допущенное Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов философских факультетов и отделений университетов, в отличие от первого издания учебника содержит объемный очерк философии Сократа (Асмус 1976). Это изложение, как и статья А.Ф. Лосева, помещенная в пятый том «Философской энциклопедии» (1970), задают новый стандарт толкования взглядов древнегреческого мыслителя, определивший на четверть века образ Сократа.

Однако место Сократа в советском интеллектуальном пространстве, в конечном счете, определяют не учебник для философских факультетов и не статья в «Философской энциклопедии», а массовые издания, рассчитанные на широкий круг читателей. Реабилитированный Сократ получает право на «научную биографию». Ее автором становится специалист по философии права Гегеля, в то время старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР Владик Сумбатович Нер-

сесянц (1938–2005). Биографический очерк «Сократ», изданный впервые в 1977 году в книжной серии «Научные биографии» Академии наук СССР стопятидесяти тысячным тиражом (Нерсесянц 1977), выдерживает при жизни автора три издания, сделав Сократа одним из самых известных в Советском Союзе античных философов. Другим популяризатором Сократа выступит грек по происхождению, известный советский историк античной философии, Феохарий Харлампиевич Кессиди (1920–2009). Четыре издания его очерка «Сократ» — первое выходит в 1976 году в удобном для чтения карманном формате популярной серии «Мыслители прошлого» (Кессиди 1976), последнее увидит свет уже в другом формате в 2001 году (Кессиди 2001) — поставят Сократа в один ряд с крупнейшими философами мира как создателя философского метода диалектики и оригинального этического учения.

Единственным, кто попытается поставить под сомнение новый канонический образ Сократа, созданный трудами Нерсесянца и Кессиди, будет Иван Дмитриевич Рожанский (1913–1994), опубликовавший в 1972 г. революционную для того времени статью «Загадка Сократа» (Рожанский 1972). Во многом следуя за Олофом Жигоном, он сформулирует и приведет доказательства «еретического» тезиса: у Сократа не было философского учения, а все, что мы знаем о Сократе, — это знание о литературном персонаже так называемой сократической литературы, ставшей особенно популярной в Афинах в первой половине IV в. до н.э. Возмущенные таким отношением к дорогому им Сократу, Кессиди и Нерсесянц подвергают позицию Рожанского решительной критике и сохраняют свое монопольное право решать — каким быть Сократу, крупнейшему древнегреческому философу. Так, в условиях деградации советских ценностей в позднесоветский («застойный») период Сократ оказывается канонизированным в качестве образцовой нравственной личности. Апофеозом позднесоветского Сократа можно считать книгу В.И. Толстых «Сократ и мы» (Толстых 1981). Изданная в серии «Личность. Мораль. Вос-

питание» тиражом двести тысяч экземпляров, книга открывается очерком, давшим ей общее название, — «Сократ и мы».

Именно Сократ является основоположником традиции такого философствования, когда в центре размышлений оказывается человек, его сознание и нравственность, общественное и личное поведение. Как бы далеко ни уносилась и высоко ни парила философская мысль, она никогда не должна забывать о том, ради кого она бьется над разгадкой сложных, хитроумных вопросов бытия, — о человеке, реальном, земном, сегодняшнем (Толстых 1981: 13).

Словно реализуя пророческие слова С.А. Жебелёва о «Сократовском евангелии», на закате советской культуры автор не сомневается — придет время Сократа.

Литература

- Александров, Г.Ф., ред. (1941) *История философии. Т. 1: Философия античного и феодального общества*. М.: Политиздат.
- Асмус, В.Ф. (1965), *История античной философии*. М.: «Высшая школа».
- Асмус, В.Ф. (1976), *История античной философии*. Учебное пособие. Издание 2-е, дополненное. М.: «Высшая школа».
- Введенский, А.И. (1891), “Демонион Сократа”, *Вера и Разум* 1: 483–516.
- Введенский, А.И. (1892), “Сократ (характеристика)”. *Вера и Разум* 2: 175–192.
- Виндельбанд, В. (2017), “О Сократе”, in В. Виндельбанд, *Прелюдии. Философские статьи и речи*. Пер. С. Франка, 53–80. М.: «Гиперборея»; «Кучково поле».
- Демин, Р.Н. (2020), “Предисловие”, in К.И. Сотонин, *Сократ. Введение в косметику*, 5–26. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский».
- Дынник, М.А., ред. (1957), *История философии*. В 4-х томах. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР.
- Дынник, М.А., ред. (1972), *История античной диалектики*. М.: «Мысль».
- Ермичев, А.А. (2008), “История русской философии в журнале «Вера и разум»”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 9.2: 143–152.

- Есаков, В.Д. (1993), “К истории философской дискуссии 1947 г.”, *Вопросы философии* 3: 83–106.
- Жебелёв, С.А. (1923), *Сократ*. Берлин: Государственное издательство Р.С.Ф.С.Р.
- Кессиди, Ф.Х. (1976), *Сократ*. М.: «Мысль».
- Кессиди, Ф.Х. (2001), *Сократ*. СПб.: Алетейя.
- Корсаков, С.Н. (2015), “Виктор Константинович Серёжников: биографический очерк”, *Философский журнал* 8.3: 144–157.
- Лосев, А.Ф. (1969), *История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон*. М.: «Высшая школа».
- Нерсесянц, В.С. (1977), *Сократ*. М.: «Наука».
- Радлов, Э.Л. (1900), “Сократ”, in *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, 30а: 739–742. СПб.: Типография АО «Издательское Дело», Брокгауз-Ефрон.
- Рожанский, И.Д. (1972), “Загадка Сократа”, *Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей»* 9: 77–95.
- Рорти, Р. (2017), *Историография философии: четыре жанра*. Пер. И. Джоухадзе. М.: Издательство «Канон+»; РООИ «Реабилитация».
- Серёжников, В.К. (1929), *Очерки по истории философии*. М.; Л.: Госиздат.
- Серёжников, В.К. (1937), “Сократ”, in *Труды Московского института истории, философии и литературы*. Философский факультет. Т. 1 (оттиски из «Трудов МИИФЛИ»), 1–23. М.: МИИФЛИ.
- Сиповский, В.Д. (1914), *Сократ и его время*. Петроград: Издание Я. Башкакова и К.
- Сотонин, К.И. (1925), *Сократ. Введение в косметику*. Казань: Тип. комб. изд. и печати «Восток».
- Сотонин, К.И. (2020), *Сократ. Введение в косметику*. М.: Издательство книжного магазина «Циолковский».
- Толстых, В.И. (1981), *Сократ и мы*. М.: Издательство политической литературы.
- Тункина, И.В. (2000), “«Дело» академика Жебелёва”, in *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах*, 2: 116–161. СПб.: Алетейя.
- Черняховская, О.М. (2011), “Маргинальный Сократ: теория К.И. Сотонина”, *Логос* 4.83: 140–154.